

Становой хребет России

Великий Сибирский путь в исторической судьбе страны

Учёные называют и называют разные причины присоединения Россией огромных пространств Сибири. По-разному описывают они и ход этого поистине великого процесса. Сегодня археологические данные позволяют увидеть новые, весьма важные обстоятельства, а значит, предложить и новые объяснения хорошо известным фактам. Выяснилось, что в присоединении Сибири особую роль сыграл Великий Сибирский путь, издревле соединявший Северную Евразию. Именно вдоль него и во многом благодаря ему сложилась и крепла наша Родина.

Доказательство привести не сложно, археологическая наука строится на фактах осязаемых, в полной мере материальных. Однако для того, чтобы воспринять наш рассказ, читателю необходимо отвлечься от распространённого стереотипа. Лишь малую толику своей истории Сибирь слышит странной глухой и дикой, гиблым местом каторги да ссылки. В минувших тысячелетиях Сибирь была цветущим, благодатным краем, богатым своими привлекавшим как дальних купцов, так и завоевателей. Слава её жителей вместе с рудами и металлами, пушниной и породистыми скакунами, драгоценными камнями, хлебом и благоухающим мускусом достигала Средиземного, и Жёлтого моря, перешагивала Урал и Кавказ, Памир и Гималаи.

Однако наш интерес ныне связан не с южными, а с западными историческими и экономическими связями Сибири. Дело даже не в том, что Михайло Васильевич Ломоносов оказался прав в своём евразийском предвидении: могущество России действительно пришло к Сибирью. И сегодня на 16 процентов населения страны, проживающего от Урала до Амура, по подсчётам новосибирских экономистов, в одной лишь промышленной сфере приходится более четверти основных производственных фондов и валовой продукции России. О возможностях будущей Сибири, думаю, говорить излишне.

В последние десятилетия археологи выявили до того неизвестные свидетельства функционирования Великого Сибирского пути в эпоху становления в Восточной Европе Киевской Руси и Волжской Болгарии. Наиболее интенсивно он действовал в XI—XII веках, задолго до монгольского нашествия. По этому пути на Днепр, Волхов и Волгу приходили торговые и посольские караваны из крупнейшей и экономически развитой сибирской страны того времени — Древнехакасского государства.

Ещё в 632 г. страна выходит на мировую арену, ставя связи с Китаем, к концу VII в. становится каганатом. Противодействуя тюркам и уйгурам, к середине IX в. овладевает землями от Иртыша до Байкала и от Ангары до Гоби. Согласно китайским хроникам страна регулярно торгует с Восточным Туркестаном и Семиречьем, Таджикистаном и Тибетом. Знакомство средневековых хаккасов с

Восточной Европой произошло в IX—X вв. и переросло в постоянное общение в XI—XII вв. Древнехакасские изделия этого времени своеобразны и легко отличимы. Они уже найдены при раскопках 11 древнерусских городов и селищ: от Северной Двины и Великого Новгорода, Немана и Смоленска, бассейна Десны и Оки до Сулы и Дона. Иными словами, они найдены по всей территории тогдашней Руси, а их расположение определяет цель таких поездок, поскольку несомненна их связь с важнейшими торговыми путями и центрами региона.

Саяно-алтайские изделия встречаются по всей государственной территории Волжской Болгарии. На севере сибирские караваны достигали Пермского Предуралья. Количество южносибирских находок в Среднем Поволжье археологи уже исчисляют сотнями, а число памятников, где они сделаны, — десятками. Каталог этих предметов, хранящихся только в Центральном музее Татарстана в Казани, изданный в 2000 г., состоит более чем из 500 номеров. Среди волжских болгар, средневековых удмуртов, марийцев и мордвы появилась даже особая мода на древнехакасские изделия — у этих народов возникли и широко распространились местные подражания сибирским формам.

Впервые открывшаяся археологам картина регулярного прихода в Волжскую Болгарию и на Русь торговых и посольских караванов из Саяно-Алтайского нагорья объясняет, можно думать, один из курьёзов ранней мусульманской географии — упорное указание авторов X века на то, что Волга-Итиль «берёт начало близ (земли) хырхызов», или «вытекает из области Хыргыз». Давно известно, что географы Востока верхним течением Волги считали Каму. Но отчего они искали её истоки так далеко на востоке? Не потому ли, что сибирские караваны, прибывавшие тогда в Поволжье, спускались туда по Каме, и у посторонних наблюдателей возникло впечатление о её начале в пределах Древнехакасской державы, называемой по Хыргызской династии?

Следует также сказать, что появление в Восточной Европе посланцев новой для неё, богатой рудами мировой державы не случайно совпадает с начавшимся на Западе «серебряным кризисом». Южная Сибирь, всадники которой пользовались блиставшей сереб-

Путь без лошади — не путь.

ром и золотом сбруей, восполняла возникшую к западу от Урала нехватку в драгоценных металлах.

Движение по Сибирскому пути было двухсторонним. Арабы сообщают, что купцы Волжской Болгарии достигали Чульмы, то есть пределов Древнехакасского государства. На этом торговом пути в сердце Сибири встречены западноевропейские вещи, относящиеся к той же эпохе евразийских связей домонгольской поры: церковная бронзовая дарохранительница из Лотарингии и меч с латинской надписью. В бассейнах Иртыша и Оби найдено множество привозных приуральских, волжско-болгарских и древнерусских предметов (последние поступали не только из Новгородской, но и из Владимиро-Суздальской земли. Недалеко от Омска раскопана русская землянка XII в. с горшками, а их тогда лепили женщины. Эти данные уже вошли в обобщающие работы археологов-сибиреведов и учебные пособия сибирских вузов. Характерные бронзовые изделия поволжско-уральских финно-угорских народов распространились до Енисея. Они отложились в коллекциях Минусинского музея и музея Томского университета.

Специалистам хорошо известно, что в конце XVI и в XVII веке продвижение казачьих отрядов обеспечивалось местными сибирскими проводниками (на западе Сибири это в основном были манси, а на востоке — эвенки). Люди на Сибирском пути давно привыкли к движению чужеземцев, знали, что караванам и посольствам извечно сплутствуют воинские конвои. Сибиряки привыкли содействовать такому продвижению. Не случайно первоначальные остроги нередко ставились в Сибири с добровольной строительной помощью аборигенных жителей (они, например, валили и свозили лес для сооружения Красноярска). Им же, как известно, поставлялось русским землепроходцам не только продовольствие, но зачастую и первое семенное зерно. Очень показательное также, что ранние границы нового административного членения Сибири воспроизводили рубежи предшествующих местных держав. На этом обстоятельстве стоит остановиться подробнее.

Сибирь поначалу воспринималась Русским царством как особая отдельная страна. В соответствии с этим взглядами составлялась Енисовская летопись, построение её отличается от летописей внутренних районов русского государства. Столицей Восточной страны (как

она именовалась русскими издревле) был город Искер, стоявший на Иртыше. Под Сибирью в XVI и в XVII вв. в России понимались лишь владения местной западносибирской династии Тайбугидов и свергнувшего её пришельца Кучума, на востоке ограниченные Обью.

Присоединив эту страну, Москва по-особому, не так, как в других русских областях, организовала и управление ею. В Сибири был создан самостоятельный административный центр, главенствующий над прочими уездами и деятельностью местных воевод. Таким городом стал Тобольск — прямой преемник прежней столицы Кучума, осознанно выстроивший неподалеку от неё. А первые воеводы Тобольска состояли в родстве с русским царским домом. Здесь же была создана и архиепископская кафедра.

Местоположения сибирских острогов обычно объясняются двумя обстоятельствами: земельным освоением края и защитой от военной угрозы. Первая причина вряд ли может быть серьёзно воспринята для таких русских городов, как Мангазей, Енисейск или Якутск, поставленных в таёжных дебрях. Целью была добыча пушнины и, конечно же, закрепление на путях продвижения на восток, то есть расширения подвластных земель, а не защиты ещё не сложившихся границ. Третья причина, редко замечаемая нами, немедленно проявилась с началом борьбы в русских отрядах со следующей за Кучумовой Сибирью восточной страной — Древнехакасским государством («Киргизской землицей» русских документов). Уже в конце XVII века на его землях, ещё чужих для Русской державы (их присоединение произойдёт столетие спустя, в 1718 г.), начали возводить крепости на серебряных рудниках (Каштацкий острог). Так это было и на Оби (где на руднике встал Умревинский острог). Те же причины привели к созданию Аргунского и Шилкинского острогов в Восточной Сибири.

Возвращаясь к организации сбора ясака, нельзя не заметить, что многие остроги были сооружены на вековых для Сибири местах традиционного сбора дани. При анализе письменных и археологических источников выясняется, что Томский (1604 г.), Красноярский (1628 г.) и Абаканский (1707 г.) остроги наследовали податным центрам Древнехакасского государства не только развитого, но и раннего средневековья. Его же правители — хыргызы, в свою оче-

редь (судя по концентрации бронзовых изделий в тайге), восприняли систему сбора ясака ещё от государства динлинов раннего железного века.

Неслучайно в начале XVIII века маньчжурский двор Цин, претендуя вслед за монгольскими Алтын-ханами на сбор дани с правого берега Енисея, затеял долгую дипломатическую тяжбу из-за возведённого русскими Абаканского острога. Заявления азиатских претендентов на власть, весь тон и фразеология, а то и прямые указания переписки раскрывают давнее административное значение этого места. А перенесение монгольского наименования этого урочища (Конгорой) на всё приенисейское податное население и с перемещением данного центра, на новый Красноярск (отмеченное ещё для 40-х годов XIX в.) явнее ясно-го указывает на преемственность административной власти в глазах местных жителей.

Однако даже в период государственного противостояния Сибирский путь продолжал действовать. Через хакасские земли и с хакасскими проводниками (иногда это бывали князья) проходили в Монголию и Китай русские посольства XVII века (В. Тюменца и И. Петрова в 1616 г., С. Гречанина и Б. Карташова в 1636 г., В. Старкова и С. Неверова в 1638 г. и т. п.), а в Москву двигались монгольские (в 1616, 1619 г. и др.). Лишь в период открытых военных действий прямой путь был им всем заказан (как И. Белоголову в 1609 г.). Только тогда русским посланцам в Центральную Азию приходилось обходить Экхасию по её северной границе (так ехал Н. Г. Сафарник Милеску в 1675 г.).

Как видим, процесс продвижения России на Восток и быстрому присоединению к ней Сибири в небольшой степени способствовал налаженный общеевразийский Сибирский путь, исконно соединявший взаимодействующие народы. До известной степени именно он заменил теперь Транссибирской железнодорожной магистралью.

Сложение и развитие Киевской Руси определил путь Днепровской, рост Московской Руси — Волжский путь, для России же таким судьбоносным стал Великий Сибирский путь. Он оказался тем становой хребетом, который создал и до сих пор удерживает богатейшее тело России. Был и останется евразийскими весами её истории.

Игорь КЫЗЛАСОВ,
профессор института археологии РАН.
Москва.

Без божества ни шагу.

Фото Ивны НАЙМУШИНА (Рейтер).